

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИАЛОГЕ ЭПОХ И КУЛЬТУР

ПЕРСИДСКИЕ ТРАВЕЛОГИ: О ПУТЕВЫХ КНИГАХ АФАНАСИЯ НИКИТИНА, ФЕДОТА КОТОВА, ВАСИЛИЯ БОРОЗДНЫ

Б. М. Петров

Русское географическое общество, Москва

В статье рассматриваются путевые записки русских путешественников XV — начала XIX в. Афанасия Никитина, Федота Котова, Василия Бороздны, путешествовавших по Персии схожими маршрутами с интервалом в два века. Насыщенные описаниями увиденного, путевые записки содержат элементы самопознания и мироопределения автора. Записки Никитина и Бороздны можно отнести к жанру травелогов.

Ключевые слова: Персия, маршрут, путевые книги, травелоги, Афанасий Никитин, Федот Котов, Василий Бороздна

Едва Русская земля начала оправляться от последствий Батыева погрома, как возникли ее контакты с Персией, сначала частные, по торговым делам, а затем и государевы. Это были рискованные мероприятия, которые далеко не всегда заканчивались хорошо: слишком далек, сложен и труден был путь в неизвестную Персию. Русско-персидские контакты значительно участились после отвоевания Волжского пути Иваном Грозным, затем сошли на нет в Смутное время и опять приняли довольно широкий размах после воцарения Дома Романовых. Здесь нас интересуют те из них, которые сопровождались созданием путевых книг.

Путевые записки многообразны по особенностям жанра, языка, содержания. К собственно *травелогам* следует относить те из них, в которых странствующий субъект через постижение развертывающейся перед ним в путешествии новой реальности решает задачи самопознания и самоопределения [10; 14, с. 312–320]. Концепция такого художественного произведения создана Н. М. Карамзиным, автором эпохальных «Писем русского путешественника» (1791).

Следует, однако, заметить, что по особенностям обозреваемой и осмысляемой новой реальности путешествие путешеству рознь, и эта рознь переходит и на путевые записки. Карамзин путешествовал по Западной Европе, краю христианской культуры, знакомой ему по литературе до путешествия, что способствовало глубокому осмыслению увиденного. Странствования по странам Востока, странам исламской или буддийской культуры, предлагают путешественнику обилие новых трудно постижимых фактов, регистрация которых преобладает над его духовными исканиями, и он невольно начинает искать опоры обычаях и ценностях родного края.

Один из первых авторов русской путевой книги по Персии — тверской купец Афанасий Никитин, который совершил свое путешествие в 1466–1472 гг. Он оставил небольшие (около 40 тыс. знаков) записки «Хож(д)ение за три моря» [11], сохранившиеся в составе Троицкой летописи. Почти половину времени Никитин провел в Персии, преимущественно в северо-восточных ее провинциях Мазандеран и Хоросан. Некоторые исследователи предполагают, что Никитин уже бывал в этих регионах Персии, знал персидский язык, веру и обычаи и поэтому в Индии успешно выдавал себя за хоросанца, присвоив себе имя *ходжа Юсуф Хоросани*.

Основной объем записок Никитина посвящен Индии, куда тверитянин прибыл одним из первых европейцев, за тридцать лет до Васко да Гамы. В Индии ему было ново практически всё, и он фиксировал это в своей тетради, и это притом, что никаких индийских товаров, пригодных к импорту в Русь, он не обнаружил. Персия же описана им очень сжато, возможно потому, что в ней уже бывали другие русские купцы. Главное, однако, в другом.

Никитин был высокообразованным, хорошо начитанным, литературно одаренным русским человеком. Отправляясь в коммерческую поездку «на низ» (посещение Индии первоначально не планировалось), он берет с собою не только календарь с таблицей Пасхалий, но и книги, об утрате, отсутствии которых неоднократно жалеет. Отсутствие книг, в свою очередь, обострило его внимание к вопросам миростояния человека. В. П. Адрианова-Перетц назвала это «личным элементом» [1, с. 117], но личный он только по форме. В основанных на личном опыте записках Никитина собственно личного очень мало. Даже свою малую родину Тверь он не вспоминает, обращаясь ко всей Руси, и вступает в контакт с неизвестным от имени Руси.

В Индии Афанасий столкнулся с совершенно иной *цивилизацией*, что заставило его по-новому взглянуть и на достаточно знакомый Руси исламский мир, и на само русское православие и стало духовным стержнем его записок. Никитин пишет: «О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рождества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня

взяли». И там же горькое признание: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже Вседержитель, Творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби пребываю...» [11, с. 66]

Сталкиваясь со многими религиями и конфессиями (только в Индии он насчитал их более 80), Никитин задается серьезнейшим мировоззренческим вопросом: «А какая из них правильная?» И сам себе отвечает: «...а правую веру Бог ведает. А правая вера — единого Бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать» [11, с. 71]. Рискуя жизнью, он открывает простым индийцам, что он не мусульманин, а христианин. И эти люди в ответ раскрывают ему свои сердца.

А тоска по родине всё сильнее. Никитин смотрит на южное ночное небо и отмечает отличия положения в небе Ориона, Плеяд и других светил от их расположения на Руси. Он пишет: «А Русь (Бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!)). Заключительное взывание к Богу Никитин пишет на четырех языках! [11, с. 188, прим. 282]. Это и есть основной вывод из его путешествия.

Вернувшись в персидский Ормуз, Никитин пошел караванными путями через древние столицы Персии Исфахан и Султанию на Тебриз а далее, из-за вспыхнувшей войны, через турецкий Трабзон, Крым и вверх по Днепру. Не дойдя до Твери, Никитин умер в Смоленске. Его книга найдена Карамзиным и опубликована П. М. Строевым в 1821 г.

В 1623–1624 гг. по тем же караванным путям, сходящимся в Султании, прошел по Персии московский купец Федот (в некоторых источниках — Федор) Афанасьевич Котов. Он был направлен туда Посольским приказом от имени царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета Никитича с казенными товарами и, как полагают некоторые исследователи, с прямым заданием описать увиденное для планирования дальнейших отношений с Персидской державой. В путешествии Котов вел записки вроде дневника, на основании которых позже была составлена (продиктована им?) путевая книга «О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урмуз, где корабли приходят» [9]. В Индии Котов не был, «ход» в нее описал по расспросам. Путь его из Астрахани шел через Шемаху, Ардебиль, Зенджан, Султанию, Кум, Исфахан, а обратный пролегал через Султанию к Тебризу и далее через Ряш, Гянджу, Ереван, Эчмиадзин, Эрзурум на Стамбул.

Книга Котова дошла до нас в трех списках, что говорит о некоторой ее известности среди элиты Московского царства, однако в широкий оборот она была введена лишь в 1852 г. Объем ее невелик — 70 листов формата 20x15 см. Деловым языком Котов детально рассказывает о горах и реках, климате и растительности, городах и селениях, обычаях местного населения, способах пере-

движения и постройках, сельском хозяйстве и местных товарах. Расстояния между населенными пунктами он приводит в днях езды.

Коснулся Котов и религиозных вопросов [9, с. 84–89)]. Его позиция заведомо неприязненна к верованиям, обычаям и даже внешности мусульман. Так, в Исфахане «дервиши рассказывают о том, как жили их проклятые святые, проповедуют свое учение» [9, с. 81]. Он пересказывает слухи о ночном пьянстве и распутстве дервишей [9, с. 84]. При этом Котов старательно отрещивается от моментов, когда его могут заподозрить в симпатии к исламскому миру: «Я про эти мечети <знаменитые мечети Султании> пишу не в похвалу, не во славу» [9, с. 76]. В другой мечети он видит «шесты со знамёнами. Не хочу сравнивать, но они как наши хоругви, которые носят в праздники вместе с иконами» [9, с. 84]. В отличие от широкого и свободного взгляда Никитина, Котов зажат в проявлении своих истинных чувств, описывая увиденное сухим деловым языком, близким к языку *статейных списков*. Исследователи предполагают, что, диктуя, Котов опускал бытовые детали, вероятно имевшиеся в его дневнике.

Два века спустя, в 1817 г., по следам Никитина и Котова прошло Российское Императорское посольство к шаху Персии во главе с генералом А. П. Ермоловым. Оно двигалось по старинному караванному пути из Тифлиса через Эчмиадзин, Эривань, Нахичевань, Маранд, Тебриз, Уджан, Миане, Зенгань (Зенджан) в Султанию, где получило аудиенцию у Фетх-Али Шаха и обсуждало с его чиновниками взаимоотношения двух держав. На родину Посольство следовало тем же путем (т. е. почти по маршруту Афанасия Никитина на Русь).

Как и Котов, Ермолов получил наказ преемника Посольского приказа Российского МИД от имени государя. Задание (наказ) состояло из 8 пунктов, в том числе: «Собрать подробные сведения об управлении Персидской державы, ее статистике и топографии, а также о состоянии и силах ее войск», что идентично поручению Посольского приказа. Во время путешествия официальный дневник Посольства вел советник А. Е. Соколов. Краткие подневные записи делал сам Ермолов. На немецком языке вел личный дневник квартирмейстер Посольства Мориц фон Коцебу (сын близкого к русскому двору немецкого писателя А. Ф. Коцебу). Личный дневник вел также чиновник посольской канцелярии Василий Бороздна. По возвращении в Тифлис официальный дневник Соколова был немедленно отправлен в МИД, в архиве которого он и осел. Записки Ермолова были изданы только после его кончины [7]. Коцебу быстро обработал свои записи и в 1819 г. издал их в виде книги «Путешествие в Персию с русским Императорским посольством в 1817 г.» на немецком и французском языках [15; 16].

Василий Бороздна (1793–1859?), брат поэта Ивана Бороздны, происходил из нобилитированной казацкой верхушки Стародубья (ныне Брянская область). Окончил курс Виллерсова института (частный пансион при Московском университете) и начинал учиться в университете. По окончании института выступил с восторженной речью, которая была издана. Писал непрофессиональные

стихи. В 1814 г. Василий был зачислен в Коллегию иностранных дел и в 1816 г. назначен в состав канцелярии при Посольстве Ермолова [13].

В огромном Посольстве (более 200 человек) Бороздна был одинок и вскоре попал под влияние члена Посольства штабс-капитана гвардейского Главного штаба Н. Н. Муравьева, сына одного из основателей декабристских обществ (позже он и сам стал членом декабристской «Священной артели»). Муравьев старался отвлечь посольскую молодежь от карт и кутежей, развить и просветить их. По возвращении в Тифлис он организовал «Общество, устроенное для описания Персии» с намерением издать его труды. Известно, что В. Бороздна, А. Худобашян и еще кто-то из посольских работали над статьями для намечавшегося сборника, но он так и не состоялся [5].

В августе 1818 г. Бороздна вышел в отставку и уехал в родовое имение. Узнав о выходе книги Коцебу, он вернулся к обработке дневника и в 1821 г. издал свою книгу — «Краткое описание путешествия Российско-Императорского посольства в Персию в 1817 году» (цензурное разрешение датировано 18 августа 1820 г.) [4].

Записки В. Бороздны несколько десятилетий были единственным общедоступным описанием Посольства Ермолова, а до выхода книги Ф. Ф. Корфа [8] — единственным русскоязычным описанием современной Персии. Сам Бороздна мог воспользоваться лишь десятичным отчетом о пребывании в Персии французского ювелира Ж. Шардена (Амстердам, 1711). А. П. Берже, обобщавший сведения о Посольстве Ермолова, называет книгу Бороздны слабейшим источником [2]. Внучатый племянник А. П. Ермолова Александр Ермолов, однако, другого мнения и в своей статье во многом опирается на текст Бороздны [6]. Видимо, Берже был недоволен краткостью описания Бороздною дипломатических усилий Посольства, но тот и не претендовал на полноту описания, назвав записки «краткими».

В книге Бороздны подневные записки событий и всего, свидетелем чего был автор, перемежаются с обобщающими отступлениями (возможно, заготовки статей для несостоявшегося сборника). Внимание Василия привлекли горы, города, селения. Он внимательно описывал проходимость дорог, мостов, реки, источники водоснабжения, местные крепостицы — для будущих путешественников (и, возможно, военачальников). Он фиксировал всё, что видел и слышал о персидской армии, ее выучке, дисциплине, командирах, военных советниках. Особенно тщательно он изложил всё, что удалось узнать о системе управления Персией и всех сколько-нибудь заметных персидских чиновниках, иностранцах при шахском дворе и при управляющих провинциями. Специальный аналитический очерк Бороздна посвятил описанию сельского хозяйства и промышленности Персии, состоянию персидской торговли. В других очерках описаны жители страны, их вера и нравы, одежда и дома представителей разных сословий.

В фактографической части Бороздна близок к запискам Федота Котова, лишь расстояние между городами он сообщает в фарсангах и уделяет большое внимание военно-инженерным сведениям (проходимость дорог, переправ, гру-

зоподъемность мостов, наличие крепостиц, водоснабжение, меткость персидских пушкарей и др.). Он критически относится к исламу, называя Мохаммеда «лжепророком», но не заикливается на этом. Впрочем, в начале XIX в. жесткость религиозных запретов была в Персии уже не абсолютной, и сам шах употреблял алкоголь [12, с. 20].

Бороздна не обрисовывает характеры, поступки участников Посольства, тем более персов, наблюдаемых с большого отдаления. В его книге нет героев, кроме одного — личности самого автора записок. Со страниц книги перед нами встает чистый сердцем восторженный молодой человек, юноша, впервые оторвавшийся так надолго и далеко от родного дома и Отечества. Реку Аракс он сравнивает со Стиксом. «Переехав Аракс, мы думали, — пишет Бороздна, — что отделяемся от сферы, обитаемой подобными нам человеками, желали забыть всё то, от чего постепенно удалялись, и самое приятное воспоминание наполняло сердце горестью лишения» [3, с. 82–83]; «Медленность путешествия отсрочивала в уме нашем возвращение в Отечество всё далее и далее. Мысль сия, занимавшая каждого из нас, волновала душу и наполняла сердце унынием и скукою» [3, с. 108]. Лишь уверенность в том, что все они делают одно большое и очень нужное Родине дело, придает ему силы. «Благочестие и вера суть две великие опоры в великих предприятиях», — успокаивает себя Василий и старается следовать этому правилу.

Как «молодой Анахарсис», Бороздна весь обращается во внимание, тщательно высматривая и фиксируя черты незнакомой жизни восточной страны. Недостаток жизненного опыта и запреты ислама мешают этому, и тогда на помощь приходит фантазия.

«Читатель скажет, может быть, что заточённых персиянок слишком лестно назвал я выше грациями, что одна чувственность удел их, но пусть возьмет в пример самые дикие народы. Кто докажет, что самое грубое их обращение, что даже безобразие черного и плоского лица негров не имеет в их мнении своих прелестей? Тем паче томный, но пронзительный взор персиянки не изумит ли, не проникнет ли до глубины сердца? Возьмешь ли ее за руку, она затрепещет, приложишь ли руку к ее сердцу, оно сильно забьется; сам-друг с нею забываешь недостатки ее воспитания, забываешь, что в ней нет светскости, и предаешься тому влечению, которое можно чувствовать, но описать никто не в состоянии» [3, с. 105]. Надо ли говорить, что он брал персиянок за руку только в своем воображении?

А тоска по родине не отпускала: «Я пошел в рощу. Несколько фруктовых деревьев манили своею тенью, близтекущий ручеек разливал прохладу; прекрасная мурава, изобилующая клевером, наполняла воздух благоуханием; пение разных неизвестных мне птиц и дыхание весны придавали природе еще более жизни. Какое-то необыкновенное чувство овладело мною. Увидев камень, окруженный высокою травою, я сел и предался размышлению. Мысленный взор мой обратился на то ужасное расстояние, которое отделяло меня от родины. Тысяча неизъяснимых ощущений наполнили душу. Воображение переносило

сило меня от знойного полдня на хладный Север. Оно останавливалось на каждом предмете, имевшем на меня влияние, занимавшем место в моем сердце, но исчезающем подобно очаровательному привидению» [3, с. 77].

Накануне отбытия Посольства из местечка Саман-Архи прибыл гонец с почтой из России. «Сколько я был обрадован письмом от моих родителей, того никакое красноречие выразить не в силах! Я уже награжден был за все труды мои; казалось, дыхание Отечества перелилось в мою душу. Стократно перечитывал я сии драгоценные строки, напоминавшие мне всю нежность родительскую. Сладостный восторг совершенно овладел мною; я поставлял себя на вершину блаженства!.. Увы! Мог ли я предвидеть, что, по возвращении в Отечество, не увижу больше одного из предметов сыновней моей горячности, что святая душа ее возлетит в горнюю обитель!..» [3, с. 118]

Но он узнает о потере лишь возвратясь в Тифлис. А пока вместе с посольской молодежью, втянувшейся в повседневные тяготы путешествия, строит смелые планы; «Мы жадничали видеть опыт жемчужной ловли на Персидском заливе, стремились оттуда в Индию, уже море принимало нас в объятия, уже веяли ветрила... Но мечты исчезали, и душа покорялась Провидению, тайный голос говорил: „Кто дал вам волю располагать собою столь самовластно?.. Тот, Кому Единому известны судьбы ваши, Тот строит всё по мудрым своим предопределениям, Тот направит стопы ваши туда, куда благоугодно Его святой воле!“» [3, с. 117]

Василий Бороздна так и остался «писателем одной книги». Вернувшись на службу (он занимал пост старшего директора в Экспедиции по заготовлению государственных бумаг в Петербурге), стал постоянным членом знаменитого литературного кружка Майковых. Приходили в кружок и уходили новые литераторы, а Василий Бороздна оставался в нем до кончины. Видимо, умел он покорять свою душу Провидению, научившись этому в путешествии по Персии [12, с. 27–43].

Итак, мы имеем три путевых книги, написанных с интервалами около двух веков в результате путешествий по Персии по схожим маршрутам. Хождение Афанасия Никитина, сумевшего поставить в небольших по объему записках глубочайшие философские вопросы бытия, вполне можно отнести к травелогам, хотя они были созданы задолго до появления этого термина. Хождение Федота Котова является деловым отчетом, из которого специально удалялись следы личного отношения автора к увиденному, для чего и было предпринято переписывание дневника. Василий Бороздна вероятно, а его наставник Н. Н. Муравьев несомненно были знакомы с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина, но эта книга оказала лишь общее воздействие на характер записок Бороздны, бесспорно имеющих черты травелога. Развиться в полноценный травелог они не смогли ввиду особенностей путешествия — ограниченность контактов автора с местным населением, которую не могли преодолеть наблюдательность и чистосердечность Бороздны.

Список литературы

1. *Адрианова-Перетц В. П.* Афанасий Никитин — путешественник-писатель // Никитин А. Хожение за три моря: 1466-1472. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. С. 107–130.
2. *Берже А. П.* Посольство А. П. Ермолова в Персию // Русская старина. 1877. Т. XIX, кн. 6, 7.
3. *Бороздна В. П.* Краткое описание путешествия Российско-Императорского посольства в Персию в 1817 году // Бороздна В. «Содействовать благу Отечества!» Клинцы, 2015. С. 59–150.
4. *Бороздна В. П.* Краткое описание путешествия Российско-Императорского посольства в Персию в 1817 году. СПб, 1821. 270 с.
5. Декабристы на Кавказе и в Армении до восстания 14 декабря 1825 года // Планета диаспор: сетевая газета. 1999. 19 авг., №8. URL: http://www.publish.diaspora.ru/gazeta/articles/armenia8_1.shtml. Дата обращения 15.09.2006. Загл. с экрана.
6. *Ермолов Ал-др. А. П.* Ермолов в Персии // Русская старина. 1909. Т. 138, кн. 5, 6.
7. *Ермолов А. П.* Журнал посольства в Персию // Чтения в Императорском об-ве истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1863. Кн. 2. С. 121–184.
8. *Корф Ф. Ф.* Воспоминания о Персии: 1834–1835. СПб, 1838. 290 с.
9. *Котов Ф. А.* Хожение купца Федота Котова в Персию / пер. Н. А. Кузнецовой. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 111 с.
10. *Милюгина Е. Г.* Традиции Н. М. Карамзина в дискурсе русских тревелогов первой половины XIX века // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. Тверь, Твер. гос. ун-т, 2014. Вып. 4 (10). С. 21–27.
11. *Никитин А.* Хожение за три моря: 1466–1472 / пер. Н. С. Чаева. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1948. 229 с. (Лит. памятники)
12. *Петров Б. М.* Достойный имени Росса // Бороздна В. «Содействовать благу Отечества!» Клинцы, 2015. С. 7–56.
13. *Петров Б. М.* Дипломат из Стародубья // Матеріали Другої всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю «Науковий діалог “Схід — Захід”» (12 жовтня 2013 р., м. Бахчисарай, АР Крим). Бахчисарай-Дніпропетровськ: Інновація, 2013. Ч. 2. С. 171–175.
14. Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2014. 368 с.
15. *Kotzebue, Moritz v.* Reise nach Persien mit der Russisch Kais. Gesandtschaft im Jahre 1817: mit 9 ausgewählten und schwarzen Kupfern / Moritz v. Kotzebue's. Weimar: Hoffmann, 1819. 199 s.
16. *Voyage en Perse a la suite de l'Ambassade Russe en 1817 par Maurice de Kotzebue, trad. de l'allemand par Mr. Breton, ornee de gravures coloriees.* Paris, 1819.

Об авторе

ПЕТРОВ Борис Михайлович, заместитель начальника отдела ФГУНПП «Росгеолфонд», действительный член Русского географического общества РАН, Москва; e-mail: BPetrov@rfgf.ru